

Дмитрий Володихин

Возвращение в Форност

«Автор»

2002-03

Володихин Д. М.

Возвращение в Форност / Д. М. Володихин — «Автор», 2002-03

© Володихин Д. М., 2002-03

© Автор, 2002-03

Дмитрий Володихин, Сергей Петров

Возвращение в Форност

Неважно, с какой целью Вы решили посетить Средиземье. Ни при каких обстоятельствах не оставляйте там консервные банки!
Лорд Лан, архивариус Нуин.

Множество творений, дивных и странных, оставалось еще в мире; но немало было и лихого, жуткого: орки, тролли, драконы и хищные твари; в лесах бродили неведомые и мудрые создания; гномы трудились в горах, терпеливым искусством творя из металла и камня вещи, которым не было равных. Но близилось владычество Людей, и все менялось...
«Сильмариллион»

Вороток на баллисте никак не хотел отпустить тетиву. Заело. Беатор в отчаянии ковырял его ножом, впрочем, безо всякого успеха. Эльф опустошил половину колчана и ни разу не промахнулся. Но его стрелы одна за другой отскакивали от гоблинских доспехов. Кое-что, кажется, застряло во вражьей шкуре, но что им, исчадью Ангмара, эльфийские стрелы? Не страшнее шильных тычков.

– Заговоренные, что ли? – с суеверным ужасом бормочет Кэбидж. Свинцовые шарики из его пращи отлетают от громадин-гоблинов, не причиняя им ни малейшего вреда. Жуть какая: гоблины-переростки, они же не бывают такими здоровыми, просто не бывают... никогда... Никогда?

– Агдалон! Мы все ждем тебя...

– Сейчас, капитан!

Сейчас... Сейчас... В сырую погоду магический посох не работает. Один из гоблинов на равных рубился с дунаданом Торном. Оба рослые, медлительные и могучие, обрабатывали друг друга, точь-в-точь два добрых кузнеца, лупящих по наковальне: те-тень! Бам! Те-тень! Бам! Те-тень! Бам!

Кто кого возьмет измором?

Данно Акайн, черноволосый красавчик, получил удар гоблинским кулаком в грудь, и был бы кулак голым – полбеда, а то ведь на нем перчатка с медными нашивками... Лежит арнорец в кустах, стонет, подняться пробует, и толку от него ровным счетом никакого.

Толк если и есть, то исключительно от двух бойцов. Сам капитан Хаддар молча отбивается от второго гоблина, раза в два выше его ростом и раза в полтора шире.

Щит его расколот, левая рука висит плетью, из предплечья хлещет кровь. Дела капитана совсем нехороши. Смерть глядит ему в самые очи и ухмыляется. Гном Табарин, отчаянно сквернословя, рассерженным петушком насккивает на третьего гоблина.

– Агдалон!

– Сейчас! Во-от...

Громкий шип, и от верхушки его посоха отрывается легкое облачко пара. По обличию своему пар этот – кровная родня банному... Третий гоблин ловким ударом сбивает с Табарина шлем, но тот ничуть не замедляет бешеных наскоков. Наконец Беатор, призвав Илуватара и все его небесное воинство на помощь, бьет деревянным молотком по непослушному воротку. Тот разлетается на части, содрогается станина баллисты, и с верхнего самострела сходит тяжелое метательное копьё. Зато на нижнем заедает пусковой крюк...

Копьё летит, кажется, прямо в лоб гоблину, сражающемуся с Хаддаром. Но потом оно попадает почему-то совсем не в лоб, а в огромное гоблинское ухо. Брызги уха разлетаются во все стороны, гоблин завывает дурным басом, подпрыгивает, долбит каменной палицей по

земле, поминая Мелькора, драконий навоз и блудливую Шелоб. О капитане он ненадолго забыл. Хаддар подлетает к повозке и кричит:

– Спрыгивайте!

Все они втроем – Беатор, хоббит и эльф – мигом исполняют его приказ. Хаддар в одиночку, сверкая в сумеречной темени белками глаз, ворочает станину баллисты, пытаясь прицелиться получше, а потом разрубает мечом непослушный крюк. Копье сходит с левого самострела, устремляется к цели, пробивает гоблинский доспех и входит в живот до середины острия.

– Мергв... – меланхолично замечает эльф.

– Во-от... во-от... во-от... – принимается кудахтать Агдалон. Что-то у него, кажется, получилось. Маг направляет посох на противника Табарина. На кончике вяло загорается пламя, затем хлопает шутиха, неведомо откуда раздается бодрое «кукареку!», пламя превращается в белку, та, разумеется, прыгает и приземляется точнехонько на макушку гоблина.

Гоблин заходится истеричным хохотом, не переставая тем не менее всю махать шипастой дубиной. Он чуть не лопаётся от хохота...

* * *

Гонец из Форноста застал зеленый отряд в Эрегионе.

Шел дождь. Наследник вчерашнего дождя и предок завтрашнего. Ручьи и канавы наполнились холодной водой, черное небо отражалось в них с утра до вечера. Трава подчинилась естественному закону смены сезонов, трава смешалась с мокрой землей и превратилась в бурю кашу. Но деревья не желали признавать ненастья, они будто бы и знать не знали поздней осени и уж тем более не чаяли прихода зимы. Ни один лист не упал еще на землю... Беатор, починавший баллисту, размышлял о странностях здешних мест. Когда-то, после победы над прошлой Тенью, эльфов, почти покинувших этот благословенный край, попросили вернуться. Чуть ли не сам Кирдан Корабел. То ли, может быть, Элессар – теперь об этом знают немногие. Мол, не должно очищенное лежать впусе... Эльфы вернулись – понимая, что от них ждут защиты всего края от разбойных шаек и опасной нечисти с севера. Уж очень хорош Эрегион, преступно бросать такую красоту. Лет пятьдесят назад, говорят, Эрегион был полон эльфийскими селениями, и лето длилось тут по полгода, а зимы обходили стороной эту землю. Потом времена обмелели, и эльфы вновь потекли то легчайшими струйками, а то полноводными ручьями к западным гаваням. Тонкое устройство погоды сломалось, но леса и сады, воспитанные перворожденными, еще не привыкли к этому.

С тех пор как Беатор присоединился к отряду Хаддара, он дважды побывал в Эрегионе, и жило тут сейчас всего пять эльфийских семейств, упрямо державшихся за прекрасные древние леса и за юные сады. Еще здесь был Остров, основанный двадцать или двадцать пять лет назад, когда с севера потянувшись мутными потоками остаточная нечисть, почуяв новый исход эльфов.

Деревянная крепостица: частокол, окружавший несколько дворов на опушке Эрегиона, там, где обрывистый берег возвышался на бешеном потоке реки Бруинен; три больших деревянных же дома для зеленых отрядов (один из них сейчас и занимали люди Хаддара); кузница, конюшня, амбары, погреба, пивоварня, оружейная. Беатор видел острова Ожерелья, из которых вырастали настоящие города. Но здешние места – глушь, людей мало, эльфов почти нет, гномов совсем нет. Жизнь едва-едва теплилась в острове, величаво названном Адангорд...

Если бы наместник государя Соединенного королевства, сидевший в северном оплоте Форносте, не присылал сюда припасы, люди скоро покинули бы остров.

Года три назад Беатор был тут в первый раз. Тогда какой-то дунаданский князек объявил себя королем Энедвайта, и рать с юга с большим трудом вразумила его, обильно полив кровью вересковые пустоши Дунланда.

Повсюду шла какая-то странная война, вчерашние друзья резались не на жизнь, а на смерть, и Беатору сделалось тоскливо: то, от чего он убежал, оставив теплое и сытое морское побережье, настигло его здесь, на севере... Рыцари четырех отрядов стояли тогда в Адангорде и готовы были двинуться на помощь гондорской рати. Но приказ от Первого Звена Братства, Кирдана Корабела, все не шел и не шел, связь по Великому Западному тракту надолго прервалась. Пропитание кончилось, ели раз в два дня, и того б не было, если бы местные эльфы не помогали им тогда. Один эльфийский отряд, один роханский, один гондорский и один – Хаддаров – смешанный, всего тридцать пять крепких, опытных бойцов. Кирдан тогда медлил, все никак не мог решиться. Потом от него пришло краткое послание: «Пролитие крови в междоусобных сварах – не дело рыцарей Ожерелья...» Тогда у Беатора, всего несколько месяцев как попавшего в Братство, появилось счастливое чувство: он оказался там, где ему и надлежит быть. Благодарение Илуватару.

Маленькие твердыньки Братства рассыпаны по всему Западу Средиземья, от бывшего Мордора до Голубых гор, но в этих местах острова можно пересчитать по пальцам. Ну, Адангорд. Еще один остров Ожерелья был в Раздоле, и, попадая туда, Беатор испытывал беспричинное счастье. Еще один – у самого нагорья Эттенблат, но там ему не пришлось быть ни разу. Туда, к темным ангмарским землям, рассаднику колдунов и орков, посылают лучшие отряды, самые сильные. А Хаддаровы рыцари, по правде говоря, лучшими не считались никогда. Средними. Да, пожалуй. Именно средними. Или чуть хуже средних. Самую малость. Табарин, а он тут с самого начала, как-то рассказал, мол, прежде в Братстве было восемьдесят зеленых отрядов, и Хаддару достался чуть ли не худший. Уж в последнем десятке – точно. Теперь отрядов всего сорок три. Нет, конечно, никакого особого счета, кто сильнее, а кто слабее и за кем заслуг числится больше. Нет, это одна пустая болтовня. Нет, старики глупости говорят. Но если послушать эти глупости, то теперь люди капитана Хаддара вроде бы стали двадцать пятыми по какому-то странному, никем не утвержденному счету. Главным образом потому, что ухитрились выжить...

Шел дождь. Данно Акайн, как водится, не закрывал рта. Он развешивал мокрую одежду над очагом, но все никак не мог сосредоточиться, – слишком занимал его разговор, – и дело у него не ладилось. То плащ сползал на пол, то штаны оказывались чуть ли не в самом пламени. Арнорец поправлял одной рукой, глядя не на одежду, а на собеседников, другой рукой все поглаживал несчастные свои ребра, обласканные гоблином. Сейчас же опять что-нибудь сползало, подгорало, падало, и он вновь пытался делать два дела одновременно.

– ...А я говорю, бесполезный он тип. Ни на что не годный. Даже вредный. Надеешься на него, надеешься, а как до дела дойдет, один пшик!

– Говорили бы вы потише, сударь, я насилу уговорил нашего мага сходить за водой, хотя очередь как раз его, заметьте, я сразу скажу, чья когда очередь... а ну как вернется быстрее, чем вы ожидаете? Уж он-то вам не спустит. Хотите заполучить какую-нибудь магическую гадость?

– Не боюсь я его, сударь хоббит. Да и отчего бы одному из нас бояться другого?

– Я и не говорю вот так прямо... чтобы, мол, бояться. Я говорю, может быть, стоит чуть поостеречься?

– Признаться, надоело мне остерегаться его. Если взять, к примеру, нынешний наш поход. Вышли мы из Форноста, и было у нас четыре задания. Первое – это сумасшедший меч, который взялся неведь откуда и повадился резать скотину у твоих сородичей в Шире...

– Экая погань.

– Меч-то? Известное дело...

– Да нет, родня моя тамошняя. Жуткие оборванцы и транжиры, даже за скотиной как следует приглядеть не умеют.

– Второе – это, я напому вам, истребление двоицы гоблинов, злодеев и кровопийц. Третье – фальшивый волк-оборотень на Великом Западном тракте. Четвертое, до чего, стало быть, мы еще не добрались, – это Компания Семи, славная разбойничья шайка.

– Правду сказать, с мечом у Агдалона вышла известная неловкость...

Беатор хмыкнул. Ему не хотелось влезать в бесконечную говорильню двух записных болтунов, но к их беседе он тем не менее прислушивался. В другом углу захихикал Табарин. И захихикал, надо сказать, очень противно.

– О чем это ты говоришь, Кэбидж?

– О нашем маге, сударь Акайн, о ком же еще?

– Нет, положительно я ослышался. Кажется, речь шла о какой-то неловкости... Друзья мои, не стряслась ли злая беда с моими бедными ушами? Не стал ли я гложуть? Ужели я старею? Годы мои, как видно, совсем уже не те... Беатор, ты чистая, не замутненная корыстью и всяческими мыслями душа, скажи, боевой друг, ведь кто-то говорил об... «известной неловкости»?

– Сам ты глупец. А говорил Кэбидж.

– О да! И мне так показалось... А ты, славный Табарин...

– Да хоббит, хоббит говорил!

– А вы, молчаливый рыцарь лесов и мудрейший перворожденный, вы что скажете?

Дэлагунд ничего ему не ответил, слишком занят был: второй день, почти не прерываясь, работал над флейтой. Эльфы из Эрегиона даровали ему кусок дерева, к которому он по каким-то тайным перворожденным причинам отнесся с благоговением. Беатор, глянув на эту вещицу, ничего не понял: деревяшка и деревяшка. А Дэлагунд сначала пошептал едва слышно то ли стихи, то ли одному ему ведомые эльфийские моления да и принялся за работу – извлекать волшебный, по его словам, инструмент простым ножом из непростой, по его же словам, деревяшки... Ничего не ответил арнорцу Дэлагунд. Зато живо откликнулся Торн:

– Давно бы пора тебе захлопнуть клюв, сорока трепливая...

– Спасибо, мои боевые друзья. Иного я от вас и не ждал. Итак, двое свидетелей подтвердили: слова «известная неловкость» действительно прозвучали при всем честном народе.

– Да я... – заикнулся было хоббит.

– О, я знаю, славный невысоклик, по доброте сердечной ты пожалел этого балбеса, который в одиночку вызвался укротить сбрендивший меч, а потом бежал от него добрых полторы мили, вызывая ко всем магическим и детородным силам Средиземья. Кажется, меч этот проклятый легче было располовинить, чем отыскать в чащобе и успокоить славного бойца Агдалона...

Теперь хихикал Беатор, а гном уже хохотал во всю глотку.

– Но! – сделал паузу Акайн. – Разве есть предел истинному героизму? Эта смертоносная кукарекающая белка... магическое существо высочайшей пробы...

Беатор хохотал, а гном визжал и хрюкал, катаясь по полу. Кэбидж попытался было вступить за мага:

– Да ты и сам там был... вроде смертоносного ползателя по кустам...

– Я? Я бился геройски! Но иногда даже лучшим бойцам чуть-чуть не везет. Зато на фальшивого оборотня я первым накинул сеть! А этот магических дел мастер, с позволения сказать, что сделал он? Он громовым голосом, словно какой-нибудь маг седой древности, произнес заклинание обез... бес... обезхвоживания? А? Обез... чего, Кэбидж?

– Обездвиживания, сударь Акайн. Но, кажется, самую малость перепутал...

– Точно. Самую малость. Обездвижить никого не удалось. Зато с первого же раза у бедного волчины отпал хвост. Со второго выпало два зуба, наверное, больных... Потом на месте старого доброго волчьего хвоста вырос петушиный. Если бы капитан не велел Агдалону заткнуться – очень вовремя, кстати, – что бы выросло на месте старых добрых волчьих зубов? А? Назгуля пищалка? Знатного, говорят, шороху наводила...

Беатор перешел к визгу и похрюкиванию, гном же только и мог, что натужно сипеть.

– Ох, сударь Акайн, злы вы на язык! И, пожалуй, не дам я вам меду, положенного всему отряду на ужин. Стоит ли услаждать такой язык? Хотя, правду сказать, от этой магии разве приходится ожидать чего-нибудь путного? Одна сплошная ненадежность и пакостность. Так еще мой батюшка говорил, да и батюшка батюшки так тоже говорил, а он был зятем самого хоббитана, и не взял бы его хоббитан в зятя, не будь он почтенным и разумным хоббитом.

– До сих пор мы с нашими железяками управлялись складнее. Кто как думает? Я не смеюсь, мне интересно, кто как думает. Вот ты, Торн, ты не шуми тут на меня, ты скажи...

– Меч вернее.

Гном в сомнении покачал головой:

– Видали мы таких страшилищ, что без магии их, кажется, никак не взять. Агдалон же с нами в первый раз, надо бы переждать его неудачи. Как знать, не пригодится ли он нам потом? Хаддар вот не хотел его брать...

– Не хотел? Правда не хотел? – изумленно воскликнул Беатор.

– Точно. Слышал я один разговор... пересказывать его было бы нехорошо... это чужой секрет, и мне он достался случайно. Одним словом, нашего капитана обязали сходить в один или два похода с Агдалоном. Да только я не о том. Еще мы как следует не рассмотрели его в деле, клянусь бородой, рано судить.

Дэлагунд и тут ничего не сказал.

– Вы все знаете... я... до того как попал сюда... я... был младшим архивариусом в Минас-Аноре... вы знаете... так вот, мне попала запись одной древней легенды... древней легенды... а записали совсем недавно, при государе Элессаре Телконтаре... всего... лет пятьдесят назад... но я... я... не с того начал... нужно было начать с другого...

– Дружище Беа разговорился, – с приличествующим случаю удивлением в голосе отметил арнорец.

– Да не мешай ты ему! Пусть скажет. Ты только не волнуйся... Отчего ты волнуешься так сильно, Беатор? Клянусь бородой, это не прибавляет ясности твоему рассказу.

– Да, Табарин, да. Просто... я ужасно не люблю всю эту магию. В этом мире каждая былинка возникла по воле Илуватара, и каждое живое существо обязано ему своим существованием. Следовательно, все магическое имеет тот же источник. Посланец Илуватара может зачерпнуть силы его и пролить немного в мир... я... уверен, если очень попросить Его, то Он может снизойти к просьбе самого ничтожного существа. Но чаще всего маг, наловчившийся брать силу там, где брать ее не надо бы, бросает вызов этому миру. Магу хочется нарушить запрет, он спать спокойно не будет, если не станет нарушителем запретов... Зачем ему нужна магия? Чтобы преодолеть законы мира, созданного Илуватаром, изувечить его гармонию, надругаться над повседневным добром, наполняющем его...

– Если память мне не изменяет, кое-кто обещал нам историю. То есть легенду. В смысле, корм для архивных червей.

– Сейчас, Акайн. Сейчас. Я... помню ее почти наизусть. Я прочитал ее восемь или девять раз и помню ее...

– Долго ли ты собираешься томить нас? – с укоризной сказал гном.

– Все. Вот. История об Итрин Луин. В сказании об Истари рассказывается, что Итрин Луин, Синие Волшебники, пошли на Восток с Куруниром, но так и не вернулись. И неведомо было людям Запада, остались ли они на Востоке ради каких-то лишь им ведомых целей, или погибли, или попали в лапы к Сауруну и стали его слугами. Известно об этих двух Истарах лишь то, что на Западе они звались Алатар и Палландо. Алатар был в числе первых Майар, внявших призыву Манвэ отправиться в Средиземье. А Палландо был ему другом и пошел по зову дружбы. Одни считают, что оба они служили в Валиноре Оромэ Охотнику. Но другие

говорят, что Алатар служил Мандосу, а Палландо – Ниэнне. Истина здесь неведома, ибо многое, связанное с Истарами, по сей день окутано тайной.

Когда Война Кольца завершилась и мощь Королевства продвинулась на Восток, кое-кто вспомнил о двух сгинувших там волшебниках. Но много выяснить не удалось. Ученые мужи пришли лишь к тому печальному выводу, что Итрин Луин потерпели поражение в своем великом деле. А кое-кто заподозрил, что именно от них пошла магия восточных земель, – та, которую, как вскоре выяснилось, Саурон не создавал и которая жила после его падения, ничуть не умалившись в силе. Так идут годы, и никто не ведает правды о Синих Волшебниках. Но есть одно сказание, неверный слух, дошедший от дальних пределов Востока – передаваемое у истерлингов сказание о Двоих, пришедших с Запада. Говорят, будто те Двое пришли примерно в начале второго тысячелетия Третьей Эпохи. Саурон в то время скрывался в Темном Лесу, и восточные племена забывали о нем, хотя кое-кто еще и поклонялся ему. Мощь же Двоих ужасала. Ибо им были подвластны звери и небесные птицы, и в сердцах людей и даже Диких Эльфов читали они с легкостью, как темные боги. И чем дальше шли они по землям Востока, тем сильнее являли свою мощь. Сперва, как говорят, они пытались прикинуться обычными людьми и выказывали силу, лишь защищая себя. Но когда слух о них разошелся, то племена стали являться к ним, и приносить дары, и просить защиты от темных богов и злых соседей. Двое дары сперва отвергали и откликались на просьбы из одной своей благодати. Светлыми Богами – Ах-Тангир – звали их истерлинги, ибо одежды их были цвета небесной лазури, и сила их была силой Света, отгоняющего Тьму. И со временем они привыкли к почтению и признались, что они подлинно боги, явившиеся в мир, и дары приходились им теперь по душе, ибо подлинно подобали их достоинству. И говорили они так: «Да, если вам так угодно, мы Боги Света. И мы пришли избавить вас от власти Богов Тьмы. Пока вы – дети, и вам нужны боги. Пусть же боги ваши живут в Свете, а не во Тьме. Чтобы вырасти и самим стать для себя богами, вы должны встать с нами против Тьмы».

Тогда многие племена откликнулись на их призыв и стали изгонять слуг Саурона. А Ах-Тангир примиряли эти племена с эльфами-авари из рассеянных по Востоку колен Морвэ и Нурвэ, хотя немало труда пришлось им к этому приложить, ибо люди и эльфы ненавидели друг друга с давних времен. И, собрав великое войско, пошли они на Восток, к древней родине эльфов и людей. Тот гористый край в то время находился под властью Фанкила, прежнего наместника Моргота на Востоке, соперничавшего в мощи с Сауроном. Многие людские племена поклонялись Фанкилу, и Ах-Тангир отняли у него жертвы и поклонение. Потому сам он начал собирать войско, и у подножия высокой горы на западе своих владений встретил своих врагов. Великий страх овладел войском Ах-Тангир, эльфами и людьми, и они разбежались. Подлинно ужасным было войско Фанкила. Были в нем и люди, и орки, и гномы, и даже отступники-авари, служившие Тьме со времен гибели короля своего Нурвэ. И драконов вызвал Фанкил, живших в опоганенных Тьмой реках и озерах Востока. Но Ах-Тангир не дрогнули и вступили в битву. Нашлись у них и воины для брани. Ибо по их слову слетелись со всех окрестных краев птицы, и сбежались звери, и стали биться насмерть с чудовищным войском Фанкила. А с самим вождем вступили в битву Светлые Боги, и чары их оказались сильнее. Своими жезлами поразили они могучего темного бога, и сковали его мощь, и запечатали его в горе, под сенью которой происходила битва. Тогда все его воинство простерлось ниц перед победителями. Ах-Тангир пощадили гномов и людей, а драконов сковали чарами – так что все эти побежденные стали им верно служить. Лишь отступников-авари перебили без пощады. Что же до орков, то долго совещались новые боги, и наконец старший из них сказал: «Лютый вы народ, и мало надежд на добро от вас. Но нам нужны воины, чтобы биться под небом, ибо Саурон могуч, а на степных людей и диких эльфов надежды мало. Потому сами вы убьете каждого второго из своей среды, а после соединитесь в один народ с людьми, которые бились вместе с вами. И для тех, и для других будет это достаточной карой. Но нам принесите клятву верности».

Малой карой это показалось оркам, а людям приходилось выполнять и худшие веления Фанкила. Но кое-кто из авари тогда решил, что и в сердца Двоих закралась Тьма. Не все, однако, – ибо авари стыдились своей трусости и потому готовы были к преданной службе Двоим, да и сами суровы нравом. В глубинах той горы, где был запечатан Фанкил, сотворили Двое великолепный чертог и назвали его на языке эльфов Запада Сам-Бал, то есть Палаты Власти. Там воссели они на каменных тронах под защитой гномов, и драконов, и эльфов, и нового многочисленного племени, происшедшего из смешения людей и орков. Из этого племени и взяли они себе первых учеников. «Ибо, – говорили они, – должны вы быть сильны, обладать хотя бы частицею нашей силы, чтобы противостоять Тьме, если мы потерпим поражение».

Впрочем, не хотели они более воевать с Тьмой в открытую. Тайные посланцы, несущие тайное знание Двоих Учителей из Мира Света, разбредались по разным краям Востока. До самого Кханда и Ближнего Харада донесли они это знание, и Саурон забеспокоился. Когда пришел он сам на Восток, изгнанный из Темного Леса (было это в начале третьего тысячелетия Третьей Эпохи), то послал против Сам-Бала могучее войско из вновь поработанных степняков. Но все они пали в боях, и тела их были скормлены драконам гномами или растерзаны свирепыми воителями из Горного Племена, унаследовавшими орочий нрав. Иных, Впрочем, как говорят, увели в подземелья Сам-Бала, пред очи Двоих, и страшна была их судьба. Ибо Свет, исходивший от Двоих, затмился, и Светлые Боги стали более жестоки и менее милосердны, чем прежде. Говорят, что дух Фанкила витал в подземельях и к нему направляли Двое своих учеников. «Ибо, – говорили они, – в борьбе с Тьмой надо познать самое Тьму. Оба рода дел должны испробовать вы, чтобы сделать выбор».

В честь того духа, чтобы задобрить его и получить от него наставления, вершились ужасные деяния. Но и сами Боги сурово мстили за любое неповиновение и требовали от всех подданных и учеников щедрых даров. Саурон больше не посылал войск на Восток, и мощь Двоих возросла. Но тайная война не прекращалась – до самого падения Барад-Дура. Тогда внезапно ослабла сила Двоих, и за несколько месяцев на глазах изумленных рабов превратились они из полных сил величественных старцев в высохшие мумии. В ужасе многие тогда бежали из Сам-Бала, и власть Палат Власти ослабла. Тогда многие ученики, рассеянные по странам Востока и Юга, стали чародействовать и призывать темных духов без оглядки на Учителей и творить немало зла себе и другим. Но говорят, что доселе возвышается в Восточных Горах Чертог Власти, Сам-Бал Ах-Тангир, и туда сходятся для ученичества и посвящения чародеи со всех концов Средиземья. И говорят также, что в самых глубоких глубинах Сам-Бала, в зале Ах-Гилта, где мощнее всего ощущается дух Фанкила, восседают на черных престолах в светлых одеждах два мертвых тела с живою душою, сжимая в костлявых руках потемневшие от времени посохи. Пред их вечно живые очи, глаголющие без слов, являются алчущие высшего посвящения, и познают там тайну Единства Света и Тьмы, и выходят из темного зала, оставив свой человеческий жребий... Так говорят на Востоке.

Теперь молчали все, кто слушал Беатора. Плащ Данно Акайна беззвучно подгорал, Кэбидж помешивал деревянной ложкой с длинной ручкой мясное варево в котле, Табарин шумно чесал в бороде, но никто не посмел вставить хотя бы словечко.

Тогда прозвучал меланхоличный голос эльфа:

– Я не знал этой легенды, сударь Беатор.

– Для меня это лучшая похвала... – начал было гондорец, но его сейчас же прервали:

– А я вот знал.

Оказывается, Агдалон успел войти, поставить ведра и услышать... сколько он слышал? Половину? Треть? Неважно. Узкое смуглое лицо мага излучало гнев. Смотрелся он жалко: хламида из тонкого полотна с разноцветными ленточками и таинственными серебряными бляшками, нашитыми тут и там, промокла насквозь, у ног Агдалона накапала порядочная лужа. Черная борода усеяна была крупными росинками. Красные руны, начертанные на белом тюр-

бане, медленно расползались – как видно, нет такой магии, которая была бы способна превратить неводоотталкивающие чернила в водоотталкивающие... Ноздри нервно трепетали над тонкими губами, но впечатление смазывалось огромной каплей воды, повисшей на самом кончике носа. И только глаза, мраморно-серые глаза Агдалона, еще способны были внушить кое-кому ощущение грядущих неприятностей. Но и мажым глазам не дали как следует развернуться. Домовитый Кэбидж запричитал:

– Ай-яй-яй! Что ж вы плащик-то не надели, сударь маг? Дело ли это – шляться под дождем в таком невразумительном виде! А? Очень исправный плащик, сносу ему нет, спасибо Кирдану Корабелу!

– Я знаю эту легенду!

– А не хотите ли табачку, сударь маг? Живее согреетесь...

Агдалоновы глаза несколько притухли, но гнев его все еще жаждал пищи:

– ...И я знаю, как гондорские школяры и профаны исказили ее! Потому что был в тех местах и поклонился Двум. И в тело мое вошел неземной восторг, и ладони мои сверкали молниями, и чистый свет исходил от моих глаз. Это была радость, святая и древняя, благороднейшее золото древности. Кто, как не сам творец Арды, мог оставить неисчерпаемый кладезь силы в дикой глуши? Кому, как не ему, подвластно умение доставлять любому существу моментальное счастье? Истина в том, что Двое были подлинными посланцами его, не понятыми и не принятыми землею, погрязшей в невежестве. Я знаю, я испытал!

И хотел было Беатор возразить магу: мол, и Тень, царствовавшая в Мордоре, способна была на многое. Да и прислужники ее не лыком шиты. А до нее была еще тень пострашнее и помогущественнее... Да только заколебался гондорец. Нет, он не боялся мага. Но нужно ли затевать ссоры и споры внутри отряда? Хаддар за это по головке не погладит. И пока Беатор колебался, дело решилось само собой.

В дверь постучали. Табарин:

– Кто б ты ни был, можешь войти.

Староста деревни, жившей в Острове и поддерживающей его в должном состоянии, когда там не стоял на постое ни один зеленый отряд, привел человека с бледным, измученным лицом, в плаще, отяжелевшем от воды, и сапогах, искупавшихся в жидкой грязи по самые отвороты. На поясе у него красовалась маленькая медная пряжка в форме восьмилучевой звезды. Такие же, только серебряные, носили все Хаддаровы люди, да и вообще все бойцы зеленых отрядов. А золотая была у одного человека – Первого Звена.

– Откуда ты, гонец? – осведомился Табарин, поправляя одежду и пытаясь придать лицу серьезный вид.

– Из Форноста. Мне нужен капитан двадцать второго зеленого отряда. Немедленно.

– Так уже и двадцать второго? Месяц назад мы были двадцать пятым... – удивился Табарин. Впрочем, гном не мешкая сходил в соседнюю комнату, где отсыпался Хаддар. Тот вскоре вышел, весь в повязках, представился, сонно щуря глаза, и пригласил гонца к себе. Их беседа длилась недолго. Как видно, вестник привез только устный приказ, короткий и ясный...

Гонец не пожелал остаться, просушить одежду над очагом, поесть и отдохнуть. Он лишь сообщил Хаддару волю Первого Звена, выпил вина и вновь вышел на дождь. Вскоре снаружи послышалось шлепанье копыт по глубоким лужам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.